

ЗЕМЛЯКИ

КОНСТАНТИН ТАРАЕВ

Из цикла «Бакинские рассказы»

Баку был, есть и останется навсегда моим любимым городом. Отправляю вам еще несколько моих рассказов, как признание в любви этому замечательному городу и его жителям: прошлым, настоящим и будущим. (из письма автора)

Бакинцы навсегда

Настоящий бакинский характер очень похож на испанский – такой же гордый, свободолюбивый, общительный, толерантный и безалаберный. Смешение культур, языков, традиций кельтов, иберов, римлян, карфагенян, арабов и евреев, живших на Пиренейском полуострове, создало неповторимо своеобразный испанский характер.

Баку XIX-го века был нефтяным Клондайком Российской империи, куда съезжались в надежде разбогатеть отчаянные головы со всей Европы: русские, азербайджанцы, украинцы, армяне, грузины, евреи, лезгины и даже шведы с англичанами. В ту пору в районе Балаханов земля была поделена на участки и густо утыкана нефтяными вышками. Причем некоторые участки были настолько малы, что и арбе негде было на них развернуться. Такая скученность предполагала, что соседи должны быть терпимы друг к другу, находить общий язык между собой, дружить, выручать в тяжелой ситуации. Жизнь на промыслах была невеселой. Поэтому особо ценились те редкие радости, которые выпадали на долю этих трудяг: совместные посиделки за бутылкой вина, песни, танцы, а то и просто неторопливые душевные разговоры за чаем или партией в нарды. Так, в этом бурлящем человеческом котле, где смешались люди разных культур, языков, традиций, религий, и создавался настоящий бакинский характер.

Немецкий «орднунг» – для нас понятие сугубо чуждое и раздражающее.

Общаться с бакинцами безапелляционным языком запрещающих табличек: «Проход запрещен!», «По газонам не ходить!», «Цветы не рвать!», «Закрыто. Не входить!» бесполезно: обязательно пройдем, сходим, сорвем, обязательно проверим, а точно ли закрыто, может быть, чуть-чуть, но открыто...

Гораздо большего можно добиться, просто попросив. По-испански это звучит, как «por favor», по-азербайджански «Сиздян хаиш эдириям», а по-русски: «Прошу вас. Пожалуйста».

Настоящий бакинец, как и испанец, никуда не бежит, не торопится, предпочитая перемещаться в пространстве неторопливо, расслабленно и с достоинством, часто отвлекаясь на общение с друзьями и знакомыми, которых у него великое множество. Всех их он очень рад видеть, обнимает, целует в щеку (Поверьте – с ориентацией у нас все в порядке!), хлопает по плечу и подробно выспрашивает о делах и здоровье, даже если расстался с другом только вчера. Аналогичную картину можно наблюдать на улицах Мадрида, Саламанки или Толедо.

Помню, в каком шоке была моя мама, женщина дородная и по-бакински обстоятельная, приехав ко мне в гости в Питер и увидев толпу куда-то торопящихся, чем-то озабоченных, толкающих друг друга людей, бегущих с выпученными от напряжения глазами по эскалаторам метро. «Как ты можешь здесь жить?» – искренне удивилась она. На что я ответил, что люблю Питер не меньше, чем Баку, и уже привык к этой беготне и мельтешению.

Эмоциональность и шумность испанцев – это, как говорится, «притча во языцех». Но и бакинцы недалеко от них ушли. Не знаю, как сейчас, но раньше довольно-таки обычной была такая сцена: – стоит на улице перед 9-этажным домом мужчина и выкликает своего друга, живущего где-нибудь этаже на 6-м: «Алик! Алик!! Алик!!!», и так раз десять подряд, пока все Алики, живущие в этом доме, и среди них – его друг, не выйдут на балконы.

«Как дела? Что?? Как дела, спрашиваю! А, спасибо, хорошо! Что, не слышу?!»

Ай, балам, если тебе так приспичило – поднимись наверх и поинтересуйся у друга, как его дела, с расстояния 50 см, а не 50-ти метров. Нет – так неинтересно! Гораздо веселее кричать и переспрашивать.

Странно, что раньше меня такие вещи раздражали, а теперь вызывают щемящую сердце ностальгию.

Отношение к власти философское – вы нас не кошмарите, мы, в свою очередь, не сильно бузим.

Грозный генерал Франко, как человек военный, пытался «построить» испанцев, приучить их к порядку и педантичности. Ничего у него не вышло!

Бакинцы тоже никогда не пресмыкались перед властью. Неважно, какой: Российской империи, Мусавата или большевиков. Баку всегда был не по-советски свободным городом.

В 70-е годы власть в некоторые районы города предпочитала вообще не со- ваться. Любой коренной бакинец при упоминании слова Кубинка или Похлу Даре понимающе улыбнется. Это была чередá невысоких, преимущественно 1- или 2-этажных домов, где в советские времена можно было купить все, что душа пожелает: от мя- ной импортной жвачки до видеомэгнитофона и заморской шубы. Места эти были кри- минальные, где шатающихся без дела пришлых не жаловали, и к тебе, спустя десять минут, обязательно кто-то подходил и спрашивал, что ты ищешь. Хорошо, если при- шел по делу – что-нибудь купить, иначе можно было и схлопотать по заправку. На нашей улице постоянно кто-то затевал азартные игры – это был любимый вид до- суга ее обитателей, и мужики яростно сражались в буру или «три листика», совсем не смущаясь проезжающих мимо милицейских машин, которые или благоразумно про- езжали мимо, или, остановившись и получив небольшую мзду, уезжали восвояси.

Дружба и взаимовыручка между соседями – это отдельная песня. В Баку со- седи знали о тебе больше, чем ты сам. Детей не боялись выпускать на улицу на целый день, обязательно за ними кто-нибудь присмотрит и даже накормит. Белье спокойно сушилось во дворах, в том числе и ночью. Двери практически не закрывали, только когда уходили надолго. С ворами в нашем дворе расправлялись безжалостно. Помню, бабушку пыталась ограбить какая-то залетная банда цыган. Так на ее крики сбежа- лись мужики со всех этажей и так жестоко отмутузили воришек, что бабушке при- шлось вмешаться, чтобы их больше не били.

Все значимые события: свадьбы, юбилеи, поминки проходили с участием всего двора. Одни готовили, другие стулья расставляли, третьи разводили огонь в мангале, четвертые стол украшали. Ты никогда не был одинок. Всегда кто-то готов был прот- януть тебе руку помощи. Такая публичность жизни иногда утомляла, провести не- заметно девушку к себе домой было сложной задачей, но этот недостаток был ничем по сравнению с тем чувством плеча, которое ты ощущал, живя рядом со своими на- дежными соседями. Законы гостеприимства были святы, и когда бы к нам ни пришел гость, пусть даже незваный и в позднее время, никто не захлопывал дверь у него перед носом. Всегда ставился на плиту чайник и накрывался нехитрый стол. Иначе никак – люди не поймут.

Улица, а отнюдь не школа, была нашими университетами. На ней мы пропадали целыми днями: играли, ссорились, мирились, дрались с мальчишескими ватагами дру- гих дворов и с молодых ногтей впитывали в себя бакинский дух, воспитывали в себе

бакинский характер. Никто не заморачивался по поводу чьей-то национальности, не позволял себе оскорблений в чей-то адрес по национальному признаку. Было деление людей на плохих и хороших и ничего более.

Вы скажете, что я сильно идеализировал картину, но так оно и было, уверяю вас. Когда в конце восьмидесятых национальный вопрос приобрел неожиданно пугающую остроту, мы с удивлением узнавали, что наш друг детства Вовка оказывается армянин, а Ленька – еврей и т.д.

Что еще роднит бакинца и испанца – так это инфантилизм и уважение к старшим. Опекать своего ребенка, контролировать его жизнь, накормить его от пуза, заботливо укутать, даже если он этого не хочет, да и «балашке»[†] уже лет под сорок, – нормальное явление для бакинских мам. Моя жена – русская по национальности, но типичная бакинская мама по своему менталитету, до сих пор трясется над нашим сыном, который выше ее на полголовы и вполне себе взрослый человек, как курица над птенцом. Говорить ей «Отпусти уже его. Пусть живет самостоятельно» – дело совершенно бесполезное. Сын терпеливо сносит эту немного назойливую заботу.

Уважение к старшим у нас в крови: меня до сих пор коробит, когда кто-то из молодых не уступает место ветхим старикам в транспорте или, того хуже, – хамит им. Мне стыдно за этих людей.

Есть такое выражение «испанский стыд», это когда ты видишь, что кто-то на твоих глазах совершает недостойный поступок: хамит, унижается, врет, подличает, и тебе стыдно за него. И эта черта тоже роднит настоящих бакинцев с испанцами.

Помните, в советские времена, года до 80-го, делалась прививка от оспы, и на руках людей, рожденных в то время, навсегда осталась метка от оспы.

Так и Баку навсегда привил нам уважение к старшим, толерантность, неравнодушие, желание помочь ближнему и стыд за людей, которые ведут себя недостойно.

Причем, встретившись друг с другом далеко за пределами родного нам города, мы по каким-то неуловимым приметам узнаем друг друга. Года два назад я зашел в маленький частный магазин на окраине Москвы, чтобы купить себе солнцезащитные очки. Хозяйка, уже немолодая женщина, выслушав меня и прищурился глаза, спросила: «Вы не из Баку?». «Да», – ответил я. Оказалось, что мы жили в соседних районах, очень тепло поболтали, вспомнили молодость, Приморский бульвар, парашютную вышку, кафе «Жемчужина».

В итоге очки достались мне с 20%-ной скидкой от цены. Кто-то заставлял ее это делать? Конечно же, нет, я бы купил очки по их полной цене, но человек проявил уважение к своему совсем малознакомому земляку.

В том-то и дело, что мы все, независимо от нашей национальности и продолжительности жизни в других краях – России, Америке, Израиле, Германии, Австралии или Новой Зеландии, – так и остались в душе бакинцами.

Бакинцами навсегда!

Голубиный папа

В эпоху барокко считалось, что Господь наказывает ранней лысиной человека за его грехи и половую распущенность. Отсюда мода на пышные парики-аллонжи и длинные волосы, как символ высокого статуса, добродетели и крепкого здоровья их обладателя. В Европе свирепствовала эпидемия сифилиса, и у заболевших им людей вскоре начинали выпадать волосы, поэтому, чтобы скрыть этот изъян, и вошли в моду парики.

Если верить этому заблуждению, мой сосед Ариф должен был быть отъявленным распутником и средоточием порока, поскольку уже к 30-ти годам имел череп,

[†] Балашка – уменьшительно-ласкательное от бала (ребенок) – азерб.

голый, как коленка. Однако он был живым опровержением этого ублюдочного тезиса, так как имел отменное здоровье, спортивное телосложение и был начисто лишен пристрастий к блуду и прочим мужским порокам, вроде любви к вину и азартным играм.

Жене, с которой познакомился еще в школе, он никогда не изменял и вел жизнь почти праведную. По крайней мере, это категорично утверждали наши дворовые кулачки, которые знали о нас больше, чем Комитет государственной безопасности и даже мы сами.

Лысеть же он начал после того, как при выполнении сельхозповинности в колхозе (научных работников в советские времена часто отправляли на сбор урожая в сельскую местность) на него упал и порвался, обдав облаком пыли, бумажный мешок с каким-то едучим фосфатным удобрением. После этого процесс опустынивания его головы принял просто-таки необратимый характер, и он окончательно облысел в течение каких-то 3-4 лет.

Единственная страсть, которая не давала покоя Ариффу и всей его семье – была его всепоглощающая, какая-то чрезмерная, избыточная любовь к голубям. Не к тем навязчивым и неопрятным созданиям, которые заплонили наши площади, улицы и парки до такой степени, что невозможно сесть на скамейку, чтобы к тебе не привязалась пара-тройка, а то и целая стая этих назойливых кланчуг.

Нет, речь идет о домашних голубях, изящных, горделивых и элегантных: турманах, дутышах, павлиньих, николаевских, почтовых, крестовых монахов, одним словом, о тех красавцах, которые так часто парили в безоблачном небе моего детства.

Нынешние городские голуби так же похожи на эту голубиную аристократию, как шелудивая дворняжка на благородного датского дога.

Жил Ариф с семьей: женой Ларисой и двумя детьми в небольшой двухкомнатной квартире на последнем, третьем этаже нашего дома и держал небольшую голубятню на крыше, прямо над своей квартирой. Крыши были плоские, залитые битумом, который в жаркие дни плавился, раскисал и лип к обуви. Поэтому Ариф соорудил на крыше деревянный помост, на котором стояли небольшой домик с аккуратным прилетным окошком и вольер, огороженный сеткой-рабицей. В домике были маленькие соты с жердочками, где располагалось десятка полтора голубей.

Всех своих питомцев Ариф звал по именам, ухаживал и носился с ними, как с писаной торбой, уделяя им гораздо больше времени, чем собственным детям. Всех кличек не припомню, но у него были три любимца, которых он особенно привечал. Брненский дутыш Гямбул, важный и толстый, как директор универсама или продуктовой базы, белоснежное, кокетливое и воздушное создание – хохлатая горлица Беляночка и маленький недоросток – черный берлинский турман, по кличке «Карапет». Такое прозвище он получил из-за того, что благодаря какому-то капризу природы был почти на голову ниже своих сородичей, но, несмотря на это, имел драчливый и неуживчивый нрав. Совсем как наш сосед в доме напротив, которого как раз и звали Каро или, если полностью – Карапет.

Придя после работы и наскоро поужинав, Ариф приставлял лестницу к стене и поднимался наверх, к своим любимым питомцам – что-то нашептывал им, гладил, менял воду в корытце, насыпал крупу, смешанную с кукурузными зернами и тщательно отобранными крошечными камешками для лучшего голубиного пищеварения. Потом открывал вольер, разбойничьим свистом выгонял их наружу, поднимая в воздух, и часами наблюдал за кульбитами, которые они выделывали в небе.

Потерявшая терпение жена выходила на веранду и возмущенно кричала: «Ариф, ты спустишься уже или навсегда там поселился? Дети родными займись! Ты знаешь, что у Расима (старший сын – отпетый двоечник) опять кол по математике?!» Ариф нехотя выходил из состояния nirваны и спускался на грешную землю, к своим скучным повседневным делам.

Работал Ариф младшим научным сотрудником в проектном институте недалеко от нашего дома, где получал какие-то копейки, а если точно – 92 рубля, после вычета подоходного налога. Откуда мы узнали эту цифру? Как-то его жена жаловалась моей бабушке на своего непутевого мужа: «Евгения Ивановна, он совсем сбрендил со своими голубями. Лучше бы за своими детьми так ухаживал, как за ними. Вчера получил получку – всего 92 рубля, так и из этих грошей этот блаженный умудрился потратить десятку на своих чертовых голубей. За какие грехи бог меня так наказывает?! Совсем помешался на своих голубях! Он и на мне, наверное, женился только из-за моей фамилии! (девичья фамилия Ларисы была Голубева)».

Бабушка, как могла, утешала бедолагу, говоря, что зато он не пьет, в карты не играет и по бабам не шастает, как подавляющее большинство наших дворовых мужиков.

Ну а мы, пацаны, немедленно сочинили песню об Арифке на мелодию «Лезгинки»:

*Получил получку я
Девяносто два рубля.
Девяносто все пропил,
На два голубя купил.*

Эту песню мы дружно исполняли при каждом появлении Арифа во дворе.

Был у Арифа друг Яша – такой же, как он, одержимый голубями, с которым они часами беседовали о достоинствах этих птиц, ссорились, что-то друг другу доказывали и азартно обменивались пернатыми питомцами.

Помню, как однажды Ариф пришел во двор, возбужденный до крайности, и присел рядом со мной на скамейку. «Представляешь, обменял у этого дурачка Яшки русского почтового на крестового монаха», – взахлеб рассказывал он, при этом глаза его блестели почти так же, как у конкистадора, выгодно обменявшего стеклянные бусы на слиток золота.

«Ариф, а это хорошо?» – спросил я, как человек, неискушенный в голубиных тонкостях. За что удостоился уничижительного взгляда, типа «с какими дебилами приходится общаться!».

«Конечно, еще как хорошо! Ну ты и тундра!!!»

«Ариф, дорогой, ну откуда же мне знать. Ведь ты же у нас голубиный папа, а не я!»

Все бы ничего, но появился в нашем ЖЭКе новый директор, отставной партийный работник районного масштаба – очень въедливый и вредный человек, который, решив навести порядок на вверенной ему территории, развернул нешуточную кампанию по борьбе с незаконными постройками, к которым отнес и голубятню Арифа.

Ариф отчаянно сопротивлялся этому варварству, кричал, ругался, даже сочинил и отнес в ЖЭК коллективное заявление от соседей о том, что им голубятня не мешает, а даже чуть ли не помогает жить, трудиться и неуклонно повышать производительность труда.

Все тщетно: начальник ЖЭКа подключил к делу тяжелую артиллерию в лице нашего участкового, и пришлось Арифку, со слезами на глазах, ломать свой самострой, часть голубей отдать друзьям-голубеводам, а своих любимцев отвезти в частный дом сестры, которая жила в поселке, рядом с городом.

На Арифа было страшно смотреть: он маялся, томился, места себе не находил, переживая за своих питомцев, и каждые выходные срывался в гости к сестре, навещать пернатых.

Зато Лариса ходила счастливая, никак не нарадуясь такому неожиданному везению.

Спустя год они получили 3-комнатную квартиру в спальном районе и уехали из нашего двора. Через полтора месяца Ариф всех пригласил на новоселье. Мы набрали вина, фруктов, сладостей и приехали к нему домой. Квартира была большая, на последнем, девятом этаже, с окнами на две стороны, со скромным, но вполне приличным по тем временам ремонтом. Казалось бы, живи и радуйся, особенно после той душной клетушки, где они обитали раньше. Но Лариса почему-то смотрела на нас невеселым взглядом, и мы поинтересовались, по какой такой причине она грустит. Она повела нас на большую лоджию, где отчетливо слышалось курлыканье голубей, столь неуместное в многоэтажке. В самом деле – там стоял большой самодельный шкаф, приспособленный под голубятню, весь пол был загажен голубиным пометом, а по перилам важно расхаживали маленький, деловой Карапет, ослепительно белая Беляночка и важный Гямбул...

Хорошо, когда человек чем-то увлечен: один марки собирает, другой – винные этикетки, третий на спичечные коробки не надышится. Главное, чтобы это увлечение не превращалось в одержимость, отравляющую жизнь твоим близким. Как это произошло с нашим другом – Арифом.

Цветок целомудрия

*При сем скажу: кто сеет скупо,
тот скупо и пожнет;
а кто сеет щедро,
тот щедро и пожнет.*

Библия

На дух не переносу жадных людей, считая скупость одним из самых отвратительных людских пороков. По натуре я ужасный транжира, никогда не превращавший деньги в фетиш, с удовольствием, иногда бездумно, трачу их, когда они имеются, и не очень огорчаюсь, когда они временно отсутствуют. Слава Богу: синее небо, плывущие по нему облака, весенние рассветы и летние закаты, трель птиц и дымку над озером в предрассветный час ушлые дельцы еще не успели приватизировать и монетизировать, и ими, даже в наше «чудесное» время, можно наслаждаться, не имея и гроша в кармане. Ну, а на хлеб с маслом и новые брюки я еще в состоянии зарабатывать.

Всегда с брезгливостью наблюдал за людьми, посвятившими всю свою жизнь скопидомству и накопительству и жертвующими, в угоду этой болезненной, выгрызающей душу страсти, радостями жизни, любовью, общением, дружбой и даже собственным здоровьем, не понимая, что жизнь дается нам всего лишь раз, и быть самым богатым на кладбище – весьма сомнительное удовольствие. Индийское изречение гласит: «Человек, который имеет деньги и ничего не тратит для собственного удовольствия, подобен соломенному чучелу, охраняющему на поле чужое зерно».

Помню, как серо и скупо жила моя бездетная тетка со своим мужем, который, работая металлургом, получал очень солидные по тем временам 450 рублей в месяц (почти профессорское жалованье), что вкуче с теткинскими 150 рублями позволяло им жить на широкую ногу. Позволяло, но они не жили, питаясь преимущественно тем, что давал их приусадебный участок, на котором они пахали, как волы, все лето и часть осени, света белого не видя, не позволяя себе ни шашлычка под винишко, ни походов в кино, театр или на концерт, ни поездок на отдых.

Не помню, чтобы я ел у них в гостях мясо, не потому, что они были привержены вегетарианству – отнюдь. Придя к нам в гости, они за обе щеки уплетали и шашлык,

и люля, и кюфта-бозбаш¹, готовить который моя мама была большой мастерицей.

Апофеозом чревоугодия в их доме был борщ, сваренный из супового набора, гречневая каша с грибами, чекушка самогона на столе и слипшаяся карамель к жидкому чаю. Это по большим праздникам, а в будние дни – бесконечная манка, рис и перловка, домашние соленья и «партизанский» травяной чай «с таким». Дошло до того, что мама приходила к своей двоюродной сестре на чай исключительно с пачкой черного чая «Три слона», чтобы не пить ту смородиновую бурду.

Так они и жили, оба два, преданно и самозабвенно служа Мамоне и откладывая в кубышку каждый рваный рубль. А потеряв в начале девяностых все свои накопления, один за другим скончались, не от каких-то особых болезней и немощей, а скорее всего, от огорчения.

Вторым, весьма колоритным представителем этой жалкой породы «Скупых рыцарей» был мой однокурсник Саша, который жил в Сумгайите (город-спутник, в 35 км от Баку), во вполне благополучной семье инженеров, и постоянно клянчил у нас рубль или трешницу на обратный проезд домой, придумывая при этом душераздирающие истории о том, как его ограбили хулиганы по дороге в институт, избавив от всей имеющейся наличности, или вытащили бумажник в переполненном автобусе, или родители уехали в командировку, оставив бедное дитя с пустым холодильником и без копейки денег.

Вариаций у этих жалобных и лживых историй было великое множество, все долги он клятвенно обещал вернуть с ближайшей стипендии, их возврата мы ждем по сию пору. Проценты за 40 лет набежали просто фантастические!!!

Естественно, девушек он сторонился – слишком неблагодарное и затратное это занятие водить их в кафе или кино и дарить цветы с конфетами, на дни рождения не ходил – стыдно прийти без подарка, а потратиться на него просто нет мочи. По перечисленным выше причинам друзей и возлюбленной Саша не имел и вел одинокую, аскетическую, почти монашескую, жизнь все пять лет нашего совместного ученичества.

В девяностые годы я случайно встретил его, самодовольного и располневшего, как кабан, на московской улице. Мы зашли в ближайшее кафе, расписав там на пару бутылку коньяка. Он в ту пору руководил какой-то финансовой компанией, козырял богатством, виллой на юге Франции, близким знакомством с олигархами и любезно позволил мне расплатиться по счету, заявив, что не носит с собой наличные. Затем сел в поджидавший его «Мерседес» с водителем и укатил из моей жизни. Надеюсь, навсегда!

Но всех этих жрецов храма золотого тельца перещеголяла моя незабываемая соседка по бакинской улице. Жила в соседнем с нами дворе одинокая, ветхая и древняя старуха. Фамилия ее была Амбарцумян, а имя (вы не поверите!) Аскарида. Не знаю, чем уж так угодил ее родителям небезызвестный кишечный червь-паразит, что они назвали дочку в его честь? Возможно, им казалось, что сочетание фамилии Амбарцумян и имени Аскарида звучит очень музыкально. Тем не менее, прожила она с этим именем, которое наверняка вызывало усмешку у всех, кто был хоть немного знаком с зоологией, всю свою долгую жизнь. На нашей улице ее все звали бабушкой Асей.

Одета она была постоянно в черное платье-балахон, с непременно теплым платком на седой, с большими залысинами, голове и в спущенных нитяных чулках, которые не снимала, как и платок, даже в самую лютую жару, когда плавился асфальт и воздух был схож по консистенции с горячим бульоном.

Любимым ее занятием было сидеть на низенькой табуретке у ворот своего двора, читать засаленные книжицы с описанием жития каких-то святых или рассказывать истории о былом и своей, очень далекой, юности.

¹ Кюфта-бозбаш – традиционное мясное блюдо азербайджанской кухни.

В основном про то, как безумно в нее, юную и очаровательную горничную, был влюблен седовласый генерал английского экспедиционного корпуса. Не давал прохода, готов был бросить ради нее семью, обещал роскошную жизнь в своем родовом замке в Шотландии и даже близко познакомить любимую с представителями династии Виндзоров.

Но она осталась навеки верна своему безвременно ушедшему из жизни деревенскому жениху Араму и, твердо отказав безутешному англичанину, так и осталась одинокой и невинной. Должен сказать, что у сладострастного пожилого генерала был очень своеобразный, даже, я бы сказал, экзотический вкус. Поскольку с девичьих фотографий, украшавших облупленные стены ее крайне запущенной квартиры, на вас смотрела тощая, плоскогрудая и крючконосая девица с унылой, кривой улыбкой.

Когда я, впервые услышав эту историю, пересказывал ее своей бабушке, то она, жившая на нашей улице с конца двадцатых годов и прекрасно знавшая подноготную всех ее обитателей, фыркнула: «Тоже мне – цветок целомудрия! Она эту квартиру получила в 37-м, как заслуженный сексот¹ НКВД! Да и монашкой никогда не была. Нашлась, понимаешь, мать Тереза! Пусть лучше вспомнит, скольких она отравила в магаданские лагеря!»

Бабушка была человеком вспыльчивым, как и я, но добрым и отходчивым, и, приготовив свой любимый торт «Кудряш», всегда отрезала от него большой кусок, клала на тарелку и говорила мне: «Отнеси его бабе Асе».

Бабу Асю, которая была похожа в своем черном наряде на говорящую мумию, жалела и подкармливала вся улица. Кто испечет и принесет ей пирожки, кто – супа в банке, кто – сладостей. Особенно она любила венгерский конфитюр и в ответ на вежливый вопрос «Баба Ася, как здоровье?» подвывала тонким и жалобным голосом: «Бабушка кондитер (в смысле конфитюр) хочет!» Естественно, тут же намазывался толстым слоем конфитюра хлеб и приносился страждущей бабуле, которая с удовольствием его разжевывала беззубым ртом. Ближе к вечеру она частенько ковыляла на рынок, где ей бесплатно насыпали в сумку немного подпорченные фрукты, слегка увядшую зелень, картошку, овощи. Так она и дожила, побираясь, до самой смерти. Хоронили ее всей улицей, собрав по рублю со всех соседей и даже под аккомпанемент траурного оркестра. Благо, что живший в нашем дворе Рачик подрабатывал в нем.

А когда после похорон стали убирать и выбрасывать на помойку накопившийся в ее квартире хлам, то обнаружили в закрытом на ключ ящике колченогого письменного стола сберкнижку на 11 тысяч рублей (что в те времена равнялось стоимости 2-х кооперативных квартир в Москве) и пять золотых империалов царской чеканки, которые заныкала старая скопидомка. Конечно, все были в шоке от этой находки. Особенно возмущалась мать семерых детей Седа: «Я от детей кусок отрывала, кормила эту старую ведьму. А она, оказывается, на мешке с деньгами сидела!» И это был один из немногих случаев, когда с Седой были согласны абсолютно все соседи.

На деньги, вырученные от продажи монет подпольным ювелирам, в качестве компенсации за моральный вред, причиненный вероломной старухой и подорванную ею веру в человеческое благородство, было решено закатить общий пир для нашего и соседнего дворов. Гуляли и пили все выходные, поминая недобрым словом покойницу, которая, наверняка, смотрела сверху (а скорее всего – снизу!) на это расточительство и задыхалась от жадности.

¹ Сексот – секретный сотрудник.